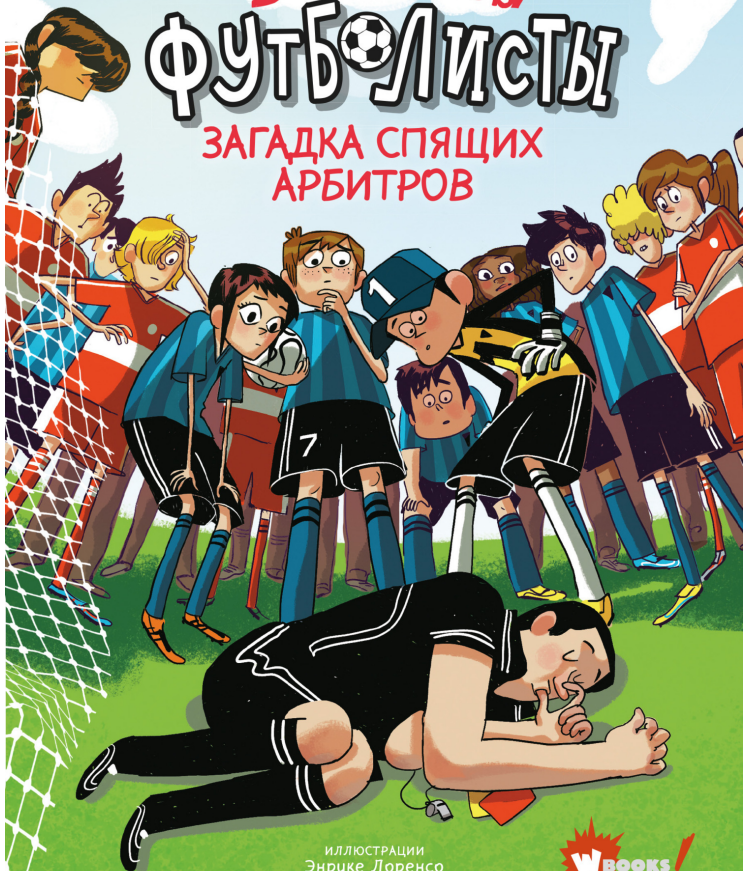

РОБЕРТО САНТЬЯГО

Детективы Футболисты

ЗАГАДКА СПЯЩИХ
АРБИТРОВ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Энрике Лоренсо

Роберто Сантьяго
Детективы-футболисты.
Загадка спящих арбитров
Серия «Детективы-футболисты»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63980326

*Детективы-футболисты. Загадка спящих арбитров: АСТ; Москва;
2021*

ISBN 978-5-17-134662-1

Аннотация

Сото Альто – не просто футбольная команда колледжа. Они заключили пакт: ничто и никто никогда их не разлучит. Они всегда будут играть вместе. Поэтому когда произошло то, что произошло, у них не было выбора, кроме как начать немедленно действовать.

Роберто Сантьяго работал сценаристом на телевидении, редактором и продюсером.

Серия про детективов-футболистов стала настоящим культурным феноменом, это одни из самых продаваемых книг в Испании, они переведены на разные языки мира, а в 2018 году даже были экранизированы.

Для младшего школьного возраста.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

1	7
2	13
3	18
4	22
5	30
6	36
7	46
8	53
9	61
10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Роберто Сантьяго
Детективы-футболисты.
Загадка спящих арбитров

© Фадеева Е., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

* * *

Меня зовут Франциско Гарсия Касас, мне только что исполнилось одиннадцать, и я собираюсь пробить важнейший пенальти в истории клуба Сото Альто.

Сейчас утро субботы.

Стоит страшная жара.

Я кладу мяч на точку, встаю напротив голкипера и смотрю на него в упор.

Это очень высокий светловолосый парень в кепке. На нём оранжевый костюм, такой яркий, что кажется, его видно за несколько километров отсюда.

Вратарь тоже смотрит на меня. Вызывающе. Он как бы говорит мне: «Ну давай, пробей, если пороху хватит».

И тут я слышу рёв со стороны домашней трибуны.

Там больше тысячи людей кричат. Флагами машут на ветру.

Собрались почти все жители посёлка.

И все чего-то от меня ждут.

Никогда столько народу не приходило на детский матч Лиги Интерсентрос.

Хотя матч, по правде сказать, необычный.

Это заключительная игра в Лиге.

К тому же за последние две недели произошло столько, что ещё и репортёры с телевизионщиками нагрянули, и фотографы.

И вот стою я.

Готовый пробить пенальти.

Смотрю на арбитра.

Надеюсь, он ничего не учудит.

А потом – на моих товарищей по команде.

Сдаётся мне, все очень нервничают: отворачиваются, не решаются сказать мне ни слова, никто на меня даже не взглянет.

Никто, кроме Алёны, которая улыбается мне и кивает головой.

Пожалуй, она единственная, кто считает, что я забью.

В этом году у меня было уже пять промахов с точки в Лиге.

Наверное, это рекорд: пять незабитых одиннадцатиметровых.

Хотя такого, как сегодняшней, у меня ещё не было.

Я сам не до конца уверен, что хочу пробивать этот решающий пенальти.

Но выбора у меня нет.

Я центральный нападающий.

Я должен это сделать.

Чтобы оказаться здесь, нам пришлось неслабо постараться.

Если я облажаюсь, команда потеряет гораздо больше, чем матч.

Мы можем попросту исчезнуть как клуб.

Не хочу об этом думать, но тут такое дело. Если я не забью этот пенальти, вполне возможно, что Сото Альто перестанет существовать как футбольная команда навсегда. Поэтому надеюсь, я всё же его забью.

Я ловлю мамин взгляд. Она сидит на лавке. Мама не тренер, но она сидит на скамейке запасных, потому что прежде чем мы оказались здесь, произошла куча очень странных вещей.

И вот сейчас, за секунду до того, как я пробью одиннадцатиметровый, у меня перед глазами проносится всё то необыкновенное, что случилось с арбитрами, тренерами, и со всеми нами в последнее время.

А в голове единственная мысль: «Франциско, этот пенальти – твой последний шанс».

Я должен забить его во что бы то ни стало.

Крики с трибуны нарастают.

Болельщики аплодируют и кричат, а я пытаюсь сконцентрироваться.

Куда забивать?

Направо?

Или налево?

Последние два неудачных пенальти я забивал слева. Интересно, вратарь знает об этом? Он поправляет шапку и манит меня указательным пальцем.

Что он хочет этим сказать?

Он что, думает, что я сдрейфлю?

В таком случае он глубоко ошибается: может сколько угодно делать мне знаки на виду у всех, я не испугаюсь.

Я не сделаю этого по одной простой причине: потому что я уже был максимально напуган задолго до этой минуты.

Я должен пробить пенальти, я должен пробить пе...

И тут раздаётся свисток судьи.

Надо забивать.

Я разбегаюсь.

Закрываю глаза.

Я думаю: «Не думай».

И бью.

Мяч летит в сторону ворот.

А я в ступоре жду, что сейчас будет.

2

В состав команды по футболу *7 на 7*¹ Сото Альто входят:

Номер 1, Камуньяс, вратарь. Известный также под кодовым именем Уши. Собственно этим прозвищем всё и сказано. Уши у Камуньяса такие здоровенные, что, кажется, он в любой момент может взмахнуть ими, как слоник Дамбо, и улететь. Камуньяс хороший вратарь, правда, не слишком подвижный. Эта особенность, впрочем, не мешает ему довольно успешно останавливать мячи противника. Два старших брата Камуньяса тоже вратари, но Уши не устаёт повторять: «Я лучший голкипер в семье».

Номер 2, Грустный, правый защитник. Он вечно вздыхает и ворчит по любому поводу. Настоящего имени номера второго никто не помнит, потому что все зовут его Грустный. Когда мы победили в матче с Римом, Грустный сказал: «Жаль, что мы выиграли. Могли бы побить рекорд по сплошным поражениям».

Номер 3, Мэрилин, левая защитница. Отличается тем, что очень быстро бегаёт. Временами даже забываешь, что

---

¹ **Футбол 7 на 7** – разновидность футбола, созданная в 70-е годы прошлого столетия для людей с ограниченными возможностями. Главное отличие его от классического футбола в том, что на поле одновременно находятся не 5, а 7 игроков. В наши дни в футбол 7 на 7, схожий по правилам с мини-футболом, играют и футболисты без ограничений по здоровью. Особенно популярен он среди детей и подростков Испании, Латинской Америки и других стран.

она девочка и что в команду её включили по настоянию родительского комитета, чтобы девочек было больше. Мэрилин неплохой игрок, она может сделать хорошую передачу, а ещё она носит капитанскую повязку. Почему – никто не знает.

Номер 4, Томео, центральный защитник. Научное доказательство народной мудрости, что для того, чтобы играть в футбольной команде, не обязательно уметь играть в футбол. Достаточно суетиться и расталкивать всех вокруг. Томео проявляет невероятный энтузиазм, много кричит, и, в общем-то, делает всё, что в его силах. Но это всё равно довольно бестолково.

Номер 5, Тони, центральный полузащитник. Микс Месси и Криштиану Роналду, может, не такой гениальный, как они, но для нас точно достаточно хороший, чтобы казаться на них похожим. Думаю, его немного бесит тот факт, что он вынужден играть с нами вместо того, чтобы тусить с ребятами из Акции или Санто Анхеля. Но ему достались мы, и ничего тут не попишешь.

Номер 6, Алёна (не путать с Еленой), передовая полузащитница. У Алёны самые большие глаза, которые я когда-либо видел в жизни, а ещё она такая красивая, что всё остальное, что я мог бы о ней сказать, на фоне её красоты просто меркнет. Ах да, кое-что сказать я всё-таки должен: у неё больше забитых голов, чем у меня.

Номер 7, Пакет, центральный нападающий. Вообще-то

его зовут Франциско, а в хорошие времена – Пако или даже Пакито. Но сейчас у него чёрная полоса, поэтому все в команде зовут его Пакет².

Если вы ещё не догадались, Пакет – это я. С основной сёржкой игроков я вас познакомил.

Есть ещё двое запасных.

Под **номером 8** у нас Восьмой, который может заменить любого из игроков. Такое прозвище у него, кстати, не из-за номера, а из-за того, что он коротышка: на вид не дашь больше восьми, хотя в следующем месяце ему исполнится одиннадцать. Настоящее имя Восьмого – Педро. Но лучше уж иметь кличку Восьмой, чем Карлик, Гном или ещё что похуже, скажу я вам.

И наконец, **номер 10**, Анита, вратарь запаса, которая никогда раньше не была вратарём, а просто убедила маму забрать её из балета и записать в футбол, который ей больше нравится. Анита носит очки и совсем не видит мяча, даже когда он летит прямо в неё. Но так как она запасная, до нынешнего дня это нас не беспокоило.

Я должен сказать ещё про Алисию и Фелипе, наших тренеров. Некоторые говорят, что они пара, хотя лично я никогда не видел их целующимися.

Алисия очень худая и высокая, она знает кучу всего про

---

² **Пакет** (исп. *paquete*) – производное от Пако, краткого варианта имени Франциско и одновременно намёк на обозначение слабого, неповоротливого, физически неподготовленного игрока в футбол. В России таких зовут «брёвнами», в Испании – «пакетами».

футбол и вечно рассказывает нам истории про великих игроков, легендарные команды и всё такое.

Фелипе носит бороду. Один раз отец Камуньяса взъелся на него, сказав, что, несмотря на бороду, он как был, так и остаётся ребёнком и ни шиша не смыслит в футболе. Родители часто злятся на тренеров. Особенно когда мы проигрываем. То есть почти всегда.

Вот вся моя команда по футболу: футбольный клуб Сото Альто. Хотя между собой мы называем друг друга «Футбольнейшие».

Почему?

Потому что прежде, чем был пробит самый важный пенальти в истории Сото Альто, случилось кое-что абсолютно невероятное. Что не происходило никогда до этого. И не думаю, что когда-нибудь ещё произойдёт.

3

Школа Сото Альто находится в провинции Мадрид в городке Севилья-ла-Чика. Это название служит постоянным поводом для шуток у жителей соседних городов и посёлков, они подрисовывают всякую чушь на въездные знаки в Севилью-Малышку. Представляю, как их разрывает от смеха, когда они это делают, хотя я, хоть убейте, не понимаю, что тут смешного. Микрорайон, окружающий наше учебное заведение, называется так же, как и школа, – Сото Альто.

В Сото Альто есть группы для малышей и начальные классы.

На территории разбиты две большие баскетбольных площадки и поле для игры в футбол.

Первое, что вы увидите, если зайдёте к нам в школу, – девиз на стене у входа: «Где есть образование, там нет разделения на классы». Конфуций (551–478 г.г. до н. э.).

По-видимому, Конфуций был важным китайским философом, который говорил очень умные штуки.

В родительском комитете проголосовали за эту фразу.

Там были и другие хорошие цитаты, но в итоге победила фраза китайца. Мне лично она кажется очень крутой, хотя я и не до конца уверен, что правильно понимаю её смысл.

Я учусь в 5 «Б».

Нас тридцать человек в классе.

Камуньяс и Грустный учатся вместе со мной.

А вот Алёна, наоборот, в 5 «А».

Не знаю, по какому принципу нас делили.

Скорее всего, в порядке поступления в школу.

Или по алфавиту. А может, потому что так захотелось директору. Его зовут Эстебан. Когда он идёт по школьному двору, кажется, будто разговаривает сам с собой. А может, нас делили безо всякого принципа. Раньше всё было ещё более запутанно, потому что был ещё «В» класс. Но его убрали, потому что денег на столько классов не хватало, а учеников из «В» разбросали между «А» и «Б».

Меня отобрали в футбольную команду в прошлом году.

Наш клуб по футболу играет в Лиге Интерсентрос, а это самая серьёзная лига, в которой мне когда-либо приходилось выступать.

Всего в ней участвуют шестнадцать команд. Команда, занявшая первое место, выигрывает лигу. Клубы, занявшие два последних, переходят во второй дивизион.

В родительском комитете решили, что если в этом году мы опустимся до второго дивизиона, лучшим решением будет распустить футбольную команду, а вместо неё создать театральный кружок, клуб любителей гитары или что-нибудь в этом роде.

Они считают, что в футболе слишком много насилия и соперничества и что он нам не подходит. Так что если мы перейдём во второй дивизион, футбольному клубу конец.

Родителям из комитета ужасно нравится собираться и принимать всякие решения. Особенно матери Аниты, которую зовут Лаура, она очень властная особа, всегда всё знает и, похоже, хочет, чтобы её считали леди Совершенство, не меньше.

Если бы Конфуций увидел членов комитета, он бы сказал: «Посоветуйтесь с учениками, прежде чем принимать свои дурацкие решения». Но Конфуций умер больше двух тысяч лет назад. Поэтому они продолжают собираться и принимать решения.

Что касается насилия, забавно, что это говорят именно они, потому что если на матчах и случались когда-либо драки, то происходили они именно потому, что родители одной команды нападали на родителей другой. Или на судью. Или

на тренеров. В то время как между детьми за всю историю клуба не было ни одной потасовки.

Я ничего не имею против гитары, но мне чертовски нравится футбол. Надеюсь, что клуб не распустят.

Хотя, по правде говоря, ситуация у нас непростая. Осталось всего три встречи, а мы плетёмся предпоследними. Нам нужно выиграть хотя бы один матч до конца лиги, если мы не хотим перейти во второй дивизион. И не хотим перестать существовать как клуб.

Моего отца зовут Эмилио, он муниципальный полицейский.

Муниципальные полицейские в моём городке такие же, как везде: они носят синюю форму, выписывают штрафы и перекрывают главную улицу во время праздников. Они совсем не похожи на киношных копов, которые преследуют злодеев и стреляют из пистолетов. Мой отец говорит, что пару раз ему приходилось побегать. Но пускать в ход пистолет – никогда.

По правде говоря, в Севилье-ла-Чике попросту абсолютно

никогда не происходит ничего серьёзного. Или, по крайней мере, я ни о чём таком не знаю.

Моему отцу очень нравится рассказывать про свою работу.

Про то, например, как воры ворвались в кондитерскую

Жинес, чтобы обокрасть её, но не смогли выбраться наружу и, пока ждали Жинеса и его жену, съели все торты и булочки.

Или про то, как однажды мой отец увёз на штрафную стоянку машину Густаво Феррады, мэра Севильи-ла-Чики, за парковку в неподобающем месте.

– Правила – они для всех, Франциско, не забывай об этом, – сказал отец. – Не имеет значения, кто ты – мэр или обычный ученик.

Думаю, моему отцу нравится быть муниципальным полицейским.

Вполне возможно, что однажды, когда я повзрослею, я пойду по его стопам, хотя на данный момент я понятия не имею, кем хочу быть – футболистом или ветеринаром, спортивным журналистом, преподавателем гимнастики или полицейским. Но отец говорит, что мне пока не нужно ничего решать.

Мою мать зовут Хуана, она продавщица в магазине подарков.

Это хорошо и плохо одновременно.

Хорошо потому, что ей делают скидки на подарки ко дню рождения и на Новый год, и вообще на все подарки. А плохо потому, что всё, что дарят в нашем доме, – из маминого магазина. Это значит, что в нашем доме нет ни игр для Плейстейшн, ни футбольных мячей, ни велосипедов, ни кучи других вещей, которые мне хотелось бы, чтобы подарили, но которых нет в мамином магазине. Сдаётся, купить их

придётся самому, когда накоплю достаточно денег.

Моей матери очень нравится футбол, она болеет за Атлетико Мадрид и всё время повторяет, что это единственный футбольный клуб в мире, который приобрёл больше друзей и фанатов, когда перешёл во второй дивизион, чем когда был в первом. Не знаю, сколько здесь правды, но мама произносит эти слова всегда с такой гордостью, словно она президент команды, не меньше. Жаль, мама не ходит на встречи родительского комитета школы, потому что её невероятно рассердила новость, что нас собираются распустить, если мы перейдём во второй дивизион. Мама не участвует в собраниях, потому что работает в магазине и говорит, что ей и вздохнуть-то некогда: то одно, то другое, какие уж там собрания, хотя я думаю, она слегка преувеличивает. Впрочем, ладно, это другая история.

чушь!

– Ты что, не мог ничего сделать? – спросила она моего отца, который на собрания как раз ходит.

– Дорогая, это было решение большинства...

– Но ты сам-то как проголосовал? – настаивала мать.

– Я... ну... я воздержался...

– В смысле, ты воздержался? – воскликнула мать, словно не веря своим ушам. – Почему воздержался? Ты что, ненормальный?

– Хуана, прошу тебя... Я, как представитель власти, должен подавать пример, быть выше и не вмешиваться в реше-

ния такого плана, кроме того...

– Чушь собачья! – когда моя мать говорит «чушь собачья», это значит, что дискуссия окончена.

А если дискуссия окончена, то моему отцу остаётся лишь давиться своими словами и возмущаться (только очень тихо): «Да, воздержался. Между прочим, имею полное право!»

Мама дни напролёт гадает, удастся ли мне наконец забить гол и сможем ли мы реанимировать команду, чтобы продолжить играть в следующем году.

– Тренируйся побольше, забивай голы и учи математику, Франциско, – повторяет она по сто раз в сутки.

Все вокруг зовут меня Пакетом, Пако или Пакито. Но родители обращаются ко мне всегда только полным именем – Франциско.

У отца, правда, иногда вылетает кличка Пакет, и мать очень злится, когда это происходит.

Мой отец почти никогда не злится. Я думаю, что в глубине души ему и футбол-то не нравится, но он утверждает обратное, потому что ему не по нутру противоречить маме.

Маме или кому-либо ещё.

А сейчас я расскажу три вещи про своего брата Виктора, и надеюсь, мне больше не придётся ничего о нём говорить.

Виктору четырнадцать, он возомнил, будто знает всё на свете, а ещё он вбил себе в голову, что может тусить со мной, потому что он старше.

К счастью, Виктор не учится в моей школе. Он ходит в

школу Санчес Руиперес, куда и я скоро пойду.

Брат болеет за Атлетико, как и все в моей семье. Я подумывал из протеста начать болеть за Реал Мадрид или Барсу, но в конце концов не смог; не то, что они мне не разрешили, а просто не получилось. Я болею за Атлетико, несмотря на то, что мой брат тоже болеет за них, и всё тут.

Знаю, что собирался сказать только три вещи о своем брате, но всё-таки скажу ещё одну: Виктор всё время говорит, что у него куча подружек, хотя я ни разу ни с кем его не видел.

Он смеётся надо мной, говорит, что я тормоз и что если я буду продолжать в том же духе, то никогда не начну ни с кем встречаться.

Похоже, Виктор не понимает одной вещи.

Я вообще не хочу встречаться.

Никогда.

5

Девочки иногда бывают очень чудными. Девочки из Севильи-ла-Чики, по крайней мере. Возможно, в других местах они другие и их проще понять.

В моём классе есть много девочек, которые делают крайне странные вещи, о которых я лучше не буду рассказывать, всё равно не поверите.

Алёна-не-путать-с-Еленой не такая, как они. Алёне нравится футбол так же сильно, как и мне.

Или, может, даже ещё сильнее.

Я уже говорил, что в этом году в Лиге Интерсентрос она забила больше голов, чем я?

Кроме того, у Алёны самые большие глаза в мире, а ещё Камуньяс говорит, что в 5 «А» она самая красивая. Конечно, она и в 5 «Б» была бы самая красивая, если бы училась в нём.

– Гному нравится Алёна! Гному нравится Алёна! Гному нравится Алёна! – твердил как попугай мой брат Виктор.

Не хотел я больше говорить о своём старшем брате, но, видимо, придётся.

Мы сидели обедали, и он восемнадцать раз подряд повторил одну и ту же фразу:

– Гному нравится Алёна!

«Гном» – это, ясен пень, я.

– А кто эта Алёна? – спросила мама.

– Никто, к тому же она мне не нравится, что за чушь собачья! – сказал я.

Очевидно, фраза «чушь собачья» обладает магическим действием, только когда её произносит мама. Потому что когда я говорю «чушь собачья», дискуссии не заканчиваются, а наоборот, ещё больше разгораются.

– Это девочка из его класса, – объяснил Виктор.

– А, точно, из футбольной команды, – сказал отец.

– Смугленькая такая, симпатичная? – спросила мать.

– Одна из лучших в команде, – продолжал отец. – Меня не удивляет, что она тебе нравится, Франциско.

Моего брата Виктора разрывало от смеха. А мне оставалось только сидеть и краснеть.

– Но тебе пока рано думать о таких глупостях, – заметила мать. – Сконцентрируйся на математике и футболе. У тебя ещё будет время на девочек.

– Наверное, я плохо объяснил: Алёна мне не нравится, и я не хочу иметь подружку. Никогда, – сказал я очень серьёзно.

Мой брат продолжал ржать.

Родители принялись говорить о команде, о занятиях, которые мне сейчас подходят, о том, что в их времена девочки и мальчики не играли вместе в футбол, и ещё о куче всяких вещей, на которые мне было абсолютно наплевать.

В голове у меня вертелась только одна мысль:

Алёна-не-путать-с-Еленой мне не нравится.

Я просто хочу играть в футбол.

Можно и с Алёной.

Но потому что она превосходный игрок, а не потому, что она мне нравится. Ещё до того как меня отобрали в команду, Алёна уже была в числе заглавных игроков. Когда она сама была размером с мяч, она уже играла в футбол.

Она знает все команды и всех игроков и всё время болтает с Алисией, которая пока ещё знает больше команд и тренеров, чем Алёна, но только потому, что ей больше лет и у неё было больше времени, чтобы выучить их все.

Алёна живёт через два квартала вниз по улице от меня, и мы иногда вместе идём домой после тренировок. В дни,

когда она приезжает на велосипеде, мы возвращаемся по отдельности.

Поначалу, когда мы только начали ходить домой вместе, я просто шёл молча, не произнося ни слова, потому что, как я уже говорил, Алёна самая красивая девочка в 5 «Б», а может, и во всей Севилье-ла-Чике.

Но понемногу я разговорился.

Обычно мы с Алёной болтаем о футболе, но не только о нём. Она много говорит о своём отце. Они мало видятся, потому что он журналист и проводит время в поездках по всему свету. А ещё потому, что её родители не вместе, то есть они разведены, но Алёна говорит, что её это не расстраивает, потому что в любом случае лучше так, чем когда они были вместе и ругались дни напролёт.

Когда её отец в Испании и проводит неделю с дочерью, он рассказывает ей истории, которые случались с ним в Америке, Африке или Японии.

В последний раз, возвращаясь с Алёной домой, мы обсуждали три матча, которые остались у нас до окончания лиги. Мы очень переживаем по поводу возможного роспуска команды. Если исчезнет команда, мы не сможем играть в футбол. И я не смогу возвращаться вместе с Алёной домой после тренировки. Но Алёна уверена, что хотя бы одну игру нам выиграть удастся, и клуб будет спасён.

– Мы будем спасены, – так она сказала. – Очень надеюсь на это. А ты обязательно забьёшь гол, – приободрила она ме-

ня.

– Я тоже на это надеюсь, – сказал я, – надеюсь, что забью.

Я посмотрел на неё, увидел её огромные глаза и улыбку и зачем-то повторил ещё раз:

– Надеюсь.

– Пакет.

– Что?

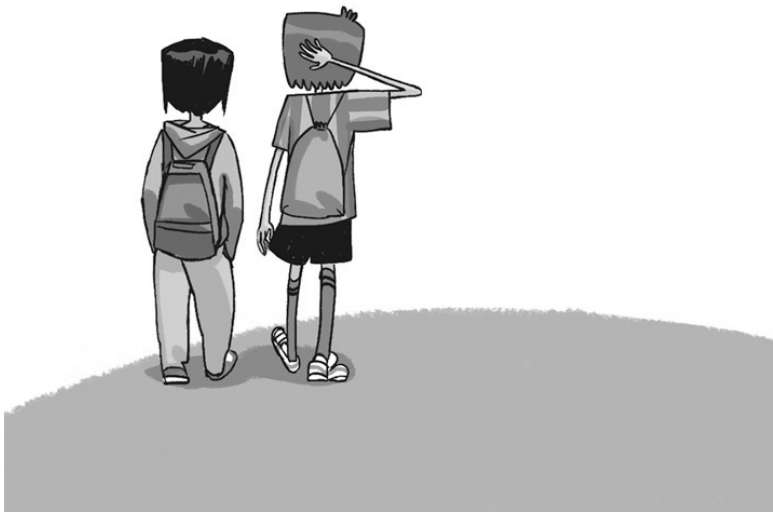
– Можешь перестать повторять всё время «надеюсь»?

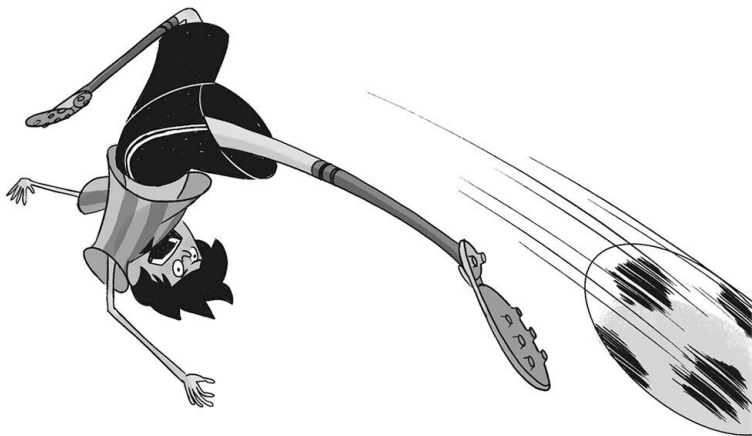
– Могу.

– Хорошо.

Оставшуюся дорогу мы шли молча. Иногда Алёна тоже зовёт меня Пакетом. Но когда она говорит так, я не обижаюсь. У неё это выходит как-то по-другому, более нежно что ли.

Тот, кто придумал мне прозвище, сделал это просто смеха ради. Не знаю, говорил ли я, но это был Тони. Тони-забейгол, Тони-паразит, Тони-выпендрёжник.

Тони – лучший игрок в нашей команде. Он играет лучше, чем все остальные вместе взятые. Но это не мешает ему оставаться выпендрёжником и паразитом.

Тони обожает вести мяч и забивать голы, а ещё обожает, когда все вокруг ему аплодируют. Я думаю, есть только одна вещь, которая нравится ему больше, чем это. Ржать надо всем подряд.

На последней тренировке перед матчем против Акции Тони забил нереальное количество голов.

Алисия и Фелипе поздравили его и сказали нам, если мы

не знаем, что делать с мячом, можем смело посылать его Тони.

А, и ещё они сказали, чтобы мы как следует сконцентрировались и не забили ни одного гола в свои ворота.

Вы не поверите, но на последних двух играх мы забили два гола себе. Трудно выиграть, когда у тебя такие дела на поле творятся.

– Если нам не удастся забить гол противнику, по крайней мере, нужно постараться не забить его самим себе, – сказал Фелипе. И отпустил нас домой.

Пока мы собирали свои вещи в раздевалке, Тони болтал не переставая.

Он говорил, что если в этом году мы перейдём во второй дивизион, его это не расстроит, потому что родители решили перевести его в другую школу, с куда более сильным футбольным клубом, в котором он сможет раскрыть весь свой потенциал.

Слово «потенциал» он произнёс очень серьёзно. Именно Тони придумал прозвища для большинства членов команды. Камуньяса он прозвал Ушами.

Педро – Восьмым.

Грустному он дал кличку Грустный.

А мне придумал прозвище Пакет.

Тони кажется, что всё это ужасно смешно, а мне порой очень хочется придумать ему самому какую-нибудь кличку, типа Голожор, но не получается.

– Тониуенти звучит забавно, – сказала Мэрилин.

– Я сейчас лопну со смеху, – сказала Алёна.

Вообще-то они обе много смеялись над шуточками Тони.

В Тонином Туенти³ кучу лайков собрала фотка с Грустным на экзамене. Он тогда чихнул и буквально всё вокруг уделал своими соплями, а вдобавок перепачкал экзаменационный лист так, что до него невозможно было дотронуться.

Все страшно смеялись, все, кроме Тони, потому что он был очень занят фотографированием.

Ещё там выложен ролик с Томео, когда он застрял на канате во время урока гимнастики, потерял тренировочные штаны и висел там в одних трусах ни туда ни сюда.

Камуньяс говорит, я просто завидую Тони, потому что он лучше всех в команде играет в футбол и у него больше всех друзей и подписчиков в социальных сетях.

---

³ **Туенти** – испанская социальная сеть.

– Не знаю, как ты можешь его защищать, – сказал я. – Это ведь он придумал тебе кликуху Уши.

– Да наплевать мне на «Уши», – ответил Камуньяс, – кроме того, кто-то всё равно бы придумал мне прозвище, не он, так кто-то другой. А Тони по крайней мере голы забивает.

Меня он прозвал Пакетом, потому что вот уже несколько матчей подряд мне не удаётся забить ни одного гола. Потому,

что я провалил пять пенальти подряд в пяти матчах.

Я понимаю, что это нереально и что такого не случилось никогда ни в одной футбольной команде в мире.

Поэтому особенно и не возражаю против своего прозвища.

Чёрная полоса началась, когда я провалил пенальти в игре с Антонио Мачадо.

Хоть Тони и лучший игрок, а Алёна забивает больше всего голов, на пенальти ставят всегда меня. Алисия и Фелипе говорят, что я гожусь для такой работы, она поможет поднять

мою самооценку бомбардира, что надо распределять задачи между членами команды и много чего ещё они говорят.

Но факт остаётся фактом: пробивать пенальти – это моя миссия в команде.

Моя мать открыла мне секрет хорошего пенальти.

– Ты перед тем, как бить по мячу, – сказала она, – посмотри в том направлении, куда ты собираешься пробивать, но так, чтобы вратарь тоже это заметил... а потом бей ровно туда, куда наметил.

– Но какой смысл, если вратарь будет знать, куда я собираюсь бить? – спросил я.

– А вот как раз в этом и весь смысл: он подумает, раз ты знаешь, что он знает, куда ты собираешься бить, ты поменяешь решение и отправишь мяч в другую сторону, – объяснила мама. – Тогда вратарь отпрыгнет, и в этот момент ты забьёшь свой пенальти.

Я на мгновение задумался. Возможно, мать была права, к тому же она хорошо разбирается в футболе.

Но тут в разговор вмешался отец.

– Минуточку, – сказал он. – А если вратарь будет знать, что Франциско знает, что вратарь знает, что Франциско знает?..

– Чушь собачья, – отрезала мать. И мы все понимали, что это значит.

– Ты сделай так, как я сказала, и увидишь, – сказала мама, и на этом разговор был окончен.

И самое интересное, в начале сезона мамино правило работало.

Я не провалил ни одного пенальти... до матча с Антонио Мачадо.

Думаю, это произошло потому, что их вратарь оказался хитрее и просёк мой план. А может, он просто был лодырем, как Камуньяс, и ему лень было отпрыгивать в другую сторону.

Но скорее всего, дело в том, что однажды наступает момент, когда ты лажаешь. Потому что не можешь же ты вечно забивать, забивать и забивать.

Короче говоря, я ударил по мячу, вратарь мачадовцев остался стоять на месте, и мяч отправился прямёхонько ему в руки.

Самым плохим было не то, что я провалил пенальти. Самым плохим было то, что из-за этого пенальти мы провалили матч.

После игры ко мне подошли мои тренеры, Фелипе и Алисия, и мои товарищи по команде. Они подбадривали меня, говорили, что ничего не произошло, что это обычная неудача, с кем не бывает, и что следующий пенальти я обязательно забью.

Тони был единственный, кто не подошёл ко мне и не подбодрил. Он сам хотел бы пробивать одиннадцатиметровые, и, казалось, его радовала моя неудача.

Тогда я думал, что это действительно невезение, что один

пенальти может провалить каждый, и что больше такое никогда не повторится.

Но следующий пенальти, против Терезы-де-Хесус, я тоже провалил.

А потом провалил ещё один.

И ещё один.

И ещё.

Я провалил пять одиннадцатиметровых подряд, и из-за этого мы проиграли пять матчей. Думаю, речь шла о мировом рекорде, не меньше.

А тут ещё отец Тони со своим айфоном: оказалось, что все пять пенальти он снимал на телефон, в итоге Тони состряпал из них ролик под названием «Пакет, прекрати уже пробивать пенальти, пожалуйста», повесил его в свой аккаунт, и его увидели не только люди из моей школы, но и совершенно посторонние.

С тех пор я – Пакет.

До окончания лиги оставались три недели.

Решающий момент всего года.

У нас был довольно неудачный сезон.

Хотя начинали мы неплохо.

У нас было несколько ничьих, а одну игру против Луиса

Отеро нам даже удалось выиграть.

Но потом пошла эта чёрная полоса с незабываемыми пенальти, и проигрыши посыпались один за другим.

И вот теперь нам нужно играть ва-банк.

Это единственное, что могло бы нас спасти.

В принципе это было не так уж и трудно.

Выиграв всего один из трёх оставшихся матчей, мы уже получали шанс на выживание, избегали перехода во второй дивизион и спасали команду от уничтожения родительским комитетом.

Самой сложной из трёх игр была последняя, против команды Санто Анхель, которая шла первой в лиге и была готова проявить себя во всей красе в этом последнем матче.

– Нам нужно сделать максимум возможного перед последней игрой, – сказала Алисия.

– То есть, надо выиграть один из матчей как можно раньше, не дожидаясь последней встречи, – перевёл Фелипе.

– Именно это я только что сказала, – буркнула Алисия раздражённо. – Полагаю, все всё прекрасно поняли.

– Иногда лучше убедиться, чтобы не осталось неясностей, – сказал Фелипе.

– Большое спасибо за разъяснение, без тебя бы не справились, – процедила Алисия.

Что происходило?

Алисия и Фелипе никогда не спорили и не подкалывали друг друга, по крайней мере, никогда не делали этого в нашем присутствии. Как тренеры они оба были абсолютно равноценны, и, казалось, эти ребята прекрасно ладили и всегда были заодно.

Можно было подумать, что они нервничали из-за финала лиги. Ведь если мы выйдем из первого дивизиона, команду расформируют, и они потеряют работу.

Но на самом деле настоящая причина размолвки между Алисией и Фелипе была совсем другая.

За день до матча, когда мы были в раздевалке, Мэрилин сказала вещь, которую я меньше всего ожидал услышать.

Она сказала:

– Алисия предложила Фелипе начать встречаться.

– ЧТО??!

– Что слышал, – процедила Мэрилин. – Алисия предложила Фелипе стать её молодым человеком, он взял время на размышление, и поэтому они сейчас так странно себя ведут.

– Выдумываешь, – сказал Томео, от которого обычно слова не дождёшься.

– Ничего она не выдумывает, это правда, – сказала Алёна.

– Откуда ты знаешь? – спросил Камуньяс.

– Ну... в общем... Алисия и моя мама близкие подруги, вот она маме всё и рассказала, – сказала Алёна.

– Вот именно, – подтвердила Мэрилин.

Мы молчали, не зная, что сказать.

– Это худшее, что могло с нами произойти, – сказал Грустный, – в самый неподходящий момент, за день до матча.

– Постойте-постойте, – подала голос Анита. – Она предложила ему? Не он ей?

– Нет, нет, – сказала Мэрилин. – Алисия сама предложила Фелипе.

– Мне не нравится Фелипе, борода эта его, – сказала Анита.

– А мне он кажется очень красивым, – сказала Алёна.

– Он очень симпатичный, – согласилась Мэрилин, – к тому же здорово танцует. Помню его на вечеринках в школе.

– Мне кажется, из них получится отличная пара, – сказала Алёна. – Хорошо бы они когда-нибудь поженились.

Минуточку.

Мы футбольная команда или компания сплетников, обсуждающих женихов, невест и прочую дребедень?

– Важно, чтобы мы выиграла у Акции, – сказал Тони. – А не эти ваши глупости про тили-тили-тесто.

Единственный раз в жизни я был согласен с выпендрёжником.

На следующий день мы встречались с Аксией: вообще эти ребята играли хорошо, но находились они в середине рейтинговой таблицы, то есть, никакого особого стимула выпрыгивать из штанов, чтобы выиграть именно у нас, у этой команды не было. Акция была нашим единственным шансом, потому что потом, в следующее воскресенье, мы играли с Ислантильей, и это был куда более сложный матч: они тоже рисковали перейти во второй дивизион и собирались играть против нас в полную силу. После чего нам предстояла игра с Санто Анхелем, и там уже у нас не было никаких шансов, потому что Санто Анхель – это как Реал Мадрид в Лиге Интерсентрос, они выигрывали лигу, и забили нам 6:0 ещё в первом туре.

– Самое главное – выиграть у Акции, – сказал я.

– Заткнись, Пакет, – сказал Тони. – И чтоб ты знал: если будет ещё один пенальти, забивать его буду я.

– Точно? И кто это решил? – начал было защищаться я.

И тут я заметил, что все смотрят на меня.

Смотрят и молчат.

Понятно, что они это обсуждали между собой.

– Очень хорошо, как хотите, – сказал я. – И, кстати, мне тоже кажется, что Фелипе с Алисией отличная пара.

Понятия не имею, почему я так сказал.

На самом деле мне абсолютно всё равно, хорошая они пара или плохая, и пара ли вообще.

Я сказал это, чтобы позлить Тони.

Думаю, так.

Сказал и ушёл.

Нам нужно было выиграть у Акции, и вместо того чтобы готовиться, мы сидели в раздевалке и спорили.

Так мы ничего не добьёмся.

А вечером я получил сообщение в мессенджер:

«Встретимся на тренировочном поле в полночь».

И подпись: Алёна.

Минуту я просто пялился в сообщение. Я прочитал его несколько раз, чтобы убедиться, что там не написано ничего другого.

Но нет.

Сколько я ни смотрел на него, текст оставался прежним:

«Встретимся на тренировочном поле в полночь».

Алёна хотела меня видеть, серьёзно?

Один на один, на тренировочном поле??

В полночь???

Минуточку: в полночь??

Как я мог уйти из дома в полночь, чтобы об этом не узнали родители?

Хорошо, хоть отец был на дежурстве в ту ночь.

Оставалось незаметно улизнуть от мамы.

Так, по крайней мере, мне казалось.

Но была ещё одна вещь, о которой я забыл.

Точнее, один человек.

Существо, которое тоже обитало в моём доме.

Мой старший брат.

– Гном идёт на свидание, гном идёт на свидание! – при- нялся он смеяться и орать как сумасшедший.

Виктор везде суёт свой нос, и моё сообщение он, конечно же, прочитал.

Я ринулся за ним по комнате, пытаюсь закрыть ему рот рукой, но Виктор выше меня на голову и старше на три года, поэтому заткнуть его нелегко.

– Гном идёт на свидание, гном идёт на свидание! – про- должал он визжать и гоготать.

Если бы мама услышала это, с идеей увидеть Алёну той ночью можно было бы смело попрощаться.

Наконец, Виктор остановился и посмотрел мне в глаза.

– Ты хоть знаешь, что делают на свидании с девочкой, Гном?

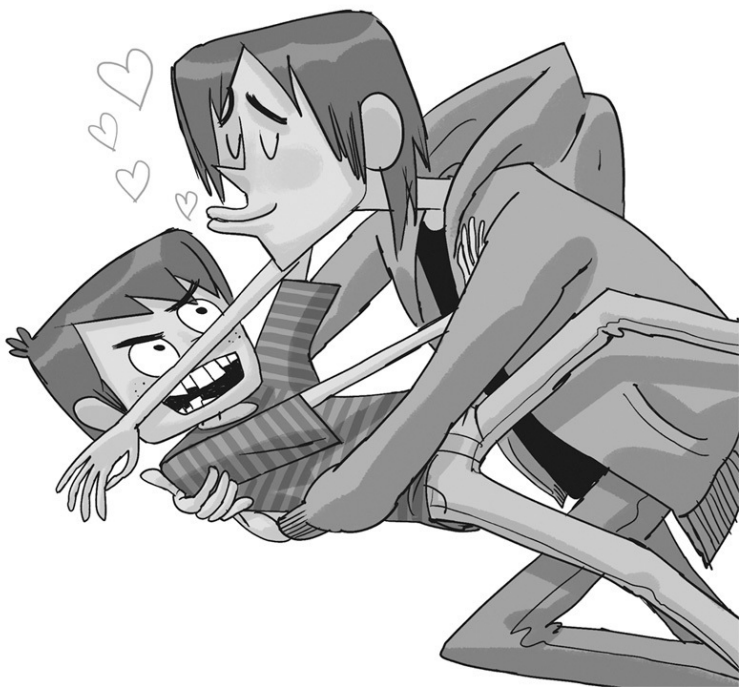
– Это не свидание, – попытался сопротивляться я.

– А что же тогда?

– Это... это... – я понятия не имел, что ответить, – это тайное собрание. Вот что это.

– Это свидание, – настаивал он, – а на свидании люди целуются.

– Это не свидание, – угрюмо защищался я, – никто никого не собирается целовать.

Виктор закрыл глаза, сложил губы бантиком и принялся делать вид, что целуется, сопровождая всё это громкими чмокающими звуками.

– Пакет, поцелуй меня! Я люблю тебя!! Муа, муа...

– Заткнись, придурок!

И тут я бросился на него.

Виктор не переставал ржать и повторять: «Пакет, поцелуй меня». Я кричал ему, чтобы он немедленно замолчал.

Скандал разгорался всё сильнее, и фантастика, что мама до сих пор нас не услышала. Единственным объяснением этому могло быть лишь то, что она заснула перед телевизором. Бывают такие ночи, обычно они совпадают с папиными дежурствами, когда маме трудно заснуть. В таких случаях она принимает таблетку, и тогда её пушкой не разбудишь.

На моё счастье, эта ночь как раз могла оказаться такой.

– Пожалуйста, не говори ничего маме, – попросил я брата.

– И что я за это получу? – спросил Виктор, вытаращив глаза.

– Ну, ты окажешь услугу своему младшему брату, – сказал я, улыбнувшись и придав своему лицу милейшее из всех возможных выражений.

– Идёт, – сказал он. – Буду молчать при условии, что ты признаешься, что это свидание и что тебе нравится эта малышка.

– Алёна мне не нравится, – сказал я.

– В таком случае, я должен поговорить с мамой и рассказать ей, что ты хочешь убежать из дома и... – начал брат.

– Ладно, ладно, пусть будет по-твоему: это свидание и она мне нравится, если тебе так хочется, – выпалил я, надеясь, что теперь он оставит меня в покое.

Хотя на самом деле мне Алёна не нравится.

– Нет, так не годится, – сказал он. – Ты должен признаться

по-настоящему.

Погоди-ка.

Брат достал телефон и навёл на меня камеру.

– Ты что, собираешься записывать? – спросил я.

– Ага.

– Для чего?

– Не для чего, – сказал он, – чтобы посмотреть каждый раз, когда мне захочется поржать. А теперь, Гном, посмотри в камеру и скажи, что идёшь на свидание с этой девочкой, которая так тебе нравится... А если не хочешь, я пойду доложу всё маме.

Выбора у меня не было.

Я закрыл глаза.

Набрался смелости.

Глубоко вдохнул.

А потом открыл глаза, посмотрел в камеру и сказал:

– Алёна очень... очень красивая девочка и хорошая, и она отлично играет в футбол... и мне... ну... мне она нравится... Не то, чтобы... но нравится... и этой ночью у меня свидание с ней на футбольном поле, из-за чего я немного нервничаю. Так сойдёт?

– Замечательно, – сказал брат. – Можешь идти.

И он вытянулся на кровати с видом оscarовского лауреата.

Я направился в сторону большой комнаты, стараясь не производить шума.

Посмотрел на часы: без пятнадцати двенадцать.

Мама похрапывала на софе под канал «Спорт».

С предельной осторожностью я пересёк большую комнату.

– Ты куда, Франциско?

Я повернулся и посмотрел на маму.

Она лежала и разговаривала с закрытыми глазами.

– Я на минутку, мне надо в туалет, мам, – ответил я.

– М-м-м-м-м-м, – сказала она и снова заснула.

Я открыл дверь и вышел на улицу.

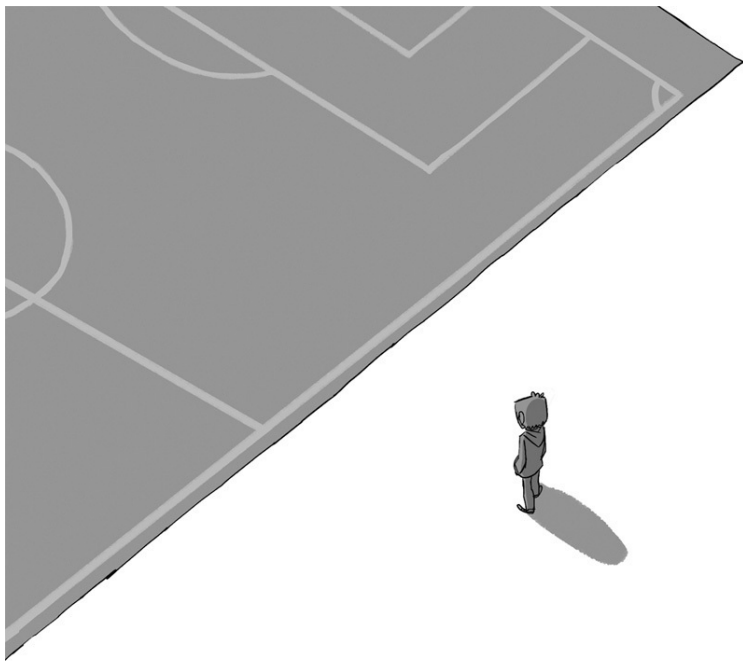
Никогда я ещё не выходил один на улицу в такое время.

Я посмотрел на небо и увидел луну, она висела прямо у меня над головой.

И двинулся в путь.

Если я хотел успеть к двенадцати, мне нужно было поторопиться.

Когда я добрался до тренировочного поля, церковный колокол как раз отбивал двенадцать.

На самом деле то, что звучало, не было колоколом. Отец говорит, что это просто запись, которую транслируют из динамиков, расположенных в звоннице.

Короче говоря, ровно в двенадцать я добрался до поля. Но там никого не было. И тут мне в голову пришла одна мысль. Может быть, Алёна не смогла прийти? Или ещё хуже: вдруг сообщение было предназначено не для меня?

В сообщении говорилось: «Встретимся на тренировочном поле в полночь». Но моего имени там не было. Люди часто путаются и отправляют сообщения по ошибке.

Со мной тоже такое было один раз. Я отправил сообщение Камуньясу с текстом: «Не забудь шпоры на экзамен по математике». Я так беспокоился о том, чтобы сообщение не увидели родители, что по ошибке отправил его отцу. И вот мой отец сидит в своей полицейской машине и получает сообщение с текстом: «Не забудь шпоры на экзамен по математике». К счастью, отец ничего не сказал матери. Он хоть и полицейский, но не стукач какой-нибудь. Единственным, что он сказал мне, вернувшись домой, было:

– Поаккуратнее с сообщениями.

Но сказал он это с таким выражением лица, которое я никогда в жизни не забуду. Мы оба прекрасно понимали, что произошло. Но никогда не обсуждали этого. Не было нужды.

Короче говоря: вполне возможно, Алёна написала это сообщение кому-то другому, а мне оно попало по ошибке.

Я раздумывал, кто бы это мог быть, когда увидел огонёк, который приближался издалека.

Это была фара велосипеда.

Было очень темно, свет слепил мне глаза, и я не мог нор-

мально рассмотреть, кто приехал.

Пока наконец не услышал голос:

– Чего ты тут делаешь?

– Что?

– Можно узнать, что ты делаешь здесь? – повторил голос, приближаясь.

Это был Камуньяс.

Собственной персоной.

Камуньяс поравнялся со мной и остановился.

Сообщение предназначалось для Камуньяса?

Или она отправила его нам обоим?

У Алёны было свидание и с Камуньясом тоже?

С Ушами?

Я ничего не понимал.

– А ты? – спросил я.

– Я пришёл... на секретное собрание, – ответил он.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Наконец я сказал:

– Алёна тебе тоже отправила сообщение?

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

Я показал ему ватсап от Алёны на своём телефоне.

Уши пожал плечами.

– Наверное, она ошиблась, – сказал он.

И показал мне свой телефон: на экране светилось точно такое же сообщение, как у меня.

«Встретимся на тренировочном в полночь».

– Сколько сейчас на твоих? – спросил я.

– Три минуты первого, – ответил он.

И как раз в этот момент, ровно в три минуты первого но-
чи, появилась Алёна.

Но она пришла не одна. Рядом с ней был Тони. Следом за
ними шли Грустный, Томео и Восьмой. И ещё чуть погодя,
Анита и Мэрилин.

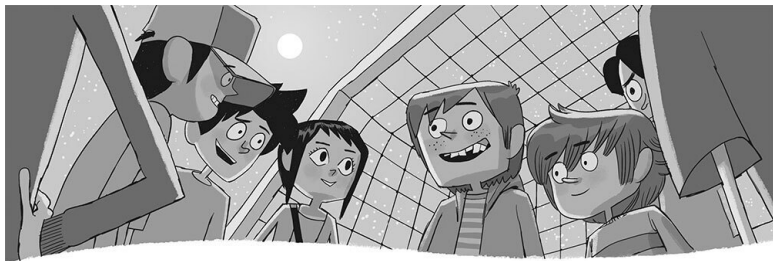
Вся команда была в сборе. Семеро основных игроков и
двое запасных. Что мы все тут делаем?

– Сейчас я объясню, зачем я всех вас позвала, – сказала
Алёна.

– Не беспокойтесь, хлюпики. Ничего плохого, – сказал То-
ни, как будто ему было всё известно.

– Ты уже в курсе, умник? – спросила Мэрилин.

Тони не ответил. Он просто улыбнулся и напялил на себя
своё вечное выражение, будто он делает нам одолжение, иг-
рая с нами в футбол и вообще находясь с нами рядом.

– Если мои узнают, что я здесь, они месяц меня из дома выпускать не будут, – сказал Восьмой.

– Ну и не приходил бы, – сказала Анита.

– Не спорьте, пожалуйста, – сказала Алёна. – Сейчас я всё объясню.

Сомнений не оставалось: это не было свиданием. Алёна отправила всем одно и то же сообщение. Я посмотрел на неё, стоящую в центре нашей команды, и вдруг подумал, что идея свидания с ней была не такой уж и дурацкой. Не знаю, почему мне в голову пришла такая мысль.

Алёна продолжала говорить.

– Никто в нас не верит, – сказала она. – Все уверены, что мы проиграем. У Акции нет никакого стимула, а у нас все ставки на этот матч. Но даже при этом все думают, что мы продумем завтра. И на следующей неделе. И ещё через неделю. Они не сомневаются, что наша команда исчезнет.

– То, что мы проиграем, не вызывает никаких сомнений, – сказал Грустный, который, казалось, вот-вот расплечется. – Думаю, я пойду, уже поздно, дела наши плохи, это понятно, к тому же нас сейчас поймают и поотрывают нам головы...

– Помолчи, Грустный, очень тебя прошу, у меня от тебя голова болит, – сказала Мэрилин.

– Я позвала вас, чтобы заключить секретный пакт, – сказала Алёна.

И вот тогда воцарилось полная тишина.

Становилось всё интереснее.

– Мы все должны пообещать: что бы ни произошло, мы должны будем держаться вместе и играть в футбол, – сказала Алёна. – Мы должны пообещать, что никогда не расстанемся. Выиграем мы или проиграем, – мы будем играть вместе. В этой лиге. Или в другой. На поле. Или на улице. Неважно где. Главное – вместе.

Мы посмотрели друг на друга.

Алёна была уверена в том, что говорила.

Они могут уничтожить команду, но не могут запретить нам играть в футбол.

Судя по лицам остальных, все ребята думали о чём-то похожем, потому что выглядели они очень серьезными. Ну разве что Томео грыз шоколадку, как обычно.

– У меня сахар низкий, – принялся оправдываться он, когда заметил мой взгляд.

– Кто со мной? – спросила Алёна и протянула руку. Мэрилин отозвалась первой, накрыв Алёнину кисть своей. Грустный и Камуньяс пожали плечами и тоже протянули свои руки. Все остальные сделали также: Анита, Восьмой, и даже Томео, который проглотил свой шоколад и положил ладонь поверх других. Оставались только Тони и я.

– Вообще у меня предложения есть от других команд. Мне нужно всё обдумать, – сказал Тони.

Но потом он повернулся к Алёне и улыбнулся.

– Шутка, – сказал он.

И положил свою руку поверх остальных.

Оставался лишь я.

Я подумал, что больше всего на свете мне хотелось бы играть в футбол с Алёной и остальными.

Но я не переносил Тони. И ещё меньше мне нравилось, что сейчас он был таким дружочком Алёны. Лучше бы она рассказала раньше всех о пакте мне, а не ему.

Я ещё много о чём подумал, пока она не прервала моих мыслей.

– Так ты с нами или нет? – спросила Алёна.

Я кивнул и сказал:

– С вами.

И протянул свою руку.

Центр футбольного поля.

Полночь.

И девять скрещённых рук.

– Начиная с этого момента, нас никто и ничто не разлучит, – сказала Алёна. – Теперь мы всегда будем играть вместе: в школе, во дворе, на поле, на улице, в парке, где угодно. Всегда вместе. С этой минуты мы – Футбольнейшие. Обещаете?

– Обещаем, – закричали все хором.

Так мы заключили пакт о Футбольнейших.

В дни, когда у меня матч, проснувшись, я всегда делаю одно и то же.

Я встаю с постели с правой ноги, потому что ею я бью по мячу.

Потом я кладу ровно три ложки хлопьев в миску с молоком. Выпиваю молоко от хлопьев ровно за семь глотков.

И что особенно беспокоит маму: трогаю руками всю мебель в доме: стулья, столы, шкафы, полки... Всё.

Алисия и Фелипе говорят, что это мания форварда.

Такие мании есть у всех футболистов мира.

Даже у Фалькао.

Но я делаю это просто потому, что делаю. Не задумываюсь. Хотя сейчас у нас такая плохая полоса, что, может быть, стоило что-то поменять. Но я не стал.

Решил придерживаться выбранной тактики. Я прошёлся по дому и перетрогал всю мебель. Закончив, собрал спортивную сумку.

По субботам у моей мамы больше всего работы. Оно и понятно: у людей в эти дни больше времени на покупки и подарки, вот они и ходят в магазин. Так что мама редко может прийти посмотреть, как я играю. Может, поэтому я был в плохом настроении. Уверен, ей хотелось бы посмотреть на мою игру.

– Посмотрим, может, вам на воскресенье какой-нибудь матч поставят, – сказала она.

И обняла меня так, как будто я собирался на войну.

– Иди, играй и забивай голы! Да, и не вздумай проиграть!

Игра против Акции была невероятной. Если бы моя мама пришла на стадион, она бы дар речи потеряла, как и все мы, кто там в тот день находился.

Думаю, то, что случилось в тот день, никогда не случилось ни на одном футбольном матче.

Но обо всём по порядку.

Я уже сказал, что Акция – хорошая команда. В лиге у этих ребят седьмое место, а если они нас обыграют, то могут

стать шестыми: хорошие среди них имеются игроки. Это, например, центральный защитник Антонио, которого все зовут Колбасевич, потому что он толстый, как кровяная колбаса, которой они с отцом торгуют в своём фургоне.

Ещё у них есть потрясающий нападающий Домингес, который, говорят, собирается пробоваться в Райо Вальекано.

В раздевалке Алисия и Фелипе выглядели очень серьёзными. Они сказали, что нам надо играть без давления. Что мы должны просто хорошо провести время. И что все великие команды в истории футбола – как раз те, кто получал больше всего удовольствия от игры. Не думаю, что они сами верили в то, что говорили.

Нам всем явно было не до развлечений. Мы думали только о том, чтобы выиграть матч.

– Ладно, и если возникнут сомнения, передавайте мяч Тони, – сказал Фелипе.

– Именно, – сказала Алисия.

И они покосились друг на друга.

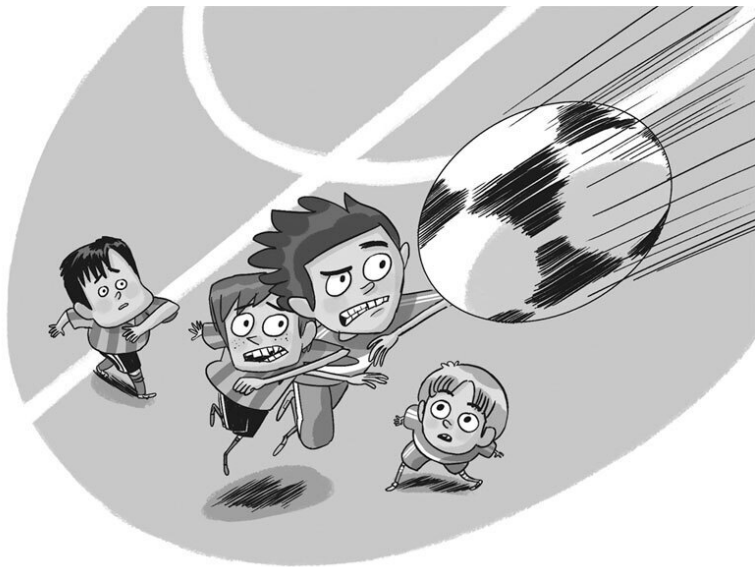
Было очень странно предположить, что Алисия и Фелипе встречаются, и тем более, что Алисия сама попросила Фелипе быть её парнем. Увидев их там, в раздевалке, я не мог отогнать от себя эту мысль.

Наконец мы вышли на поле, и игра началась.

Эмилио, мой отец, находился на трибуне с другими родителями, хотя он и не орал так сильно, как остальные. Он говорит, что муниципальному полицейскому не к лицу терять самообладание.

Мой отец был не единственным взрослым на трибунах, который не кричал.

Был там ещё один мужчина в шапке и с усами, очень серьёзный, он сидел один и ни с кем не разговаривал. Лицо этого человека показалось мне знакомым, но я так и не вспомнил, кто это. Мне запомнилась его серьёзность и то, что сидел он совершенно один.

В первом круге Аксия обыграла нас 5:1. Но с тех пор много воды утекло. Теперь мы играли в полную силу. С первых минут мы неплохо начали играть. Может быть, из-за пафта. Мы все были очень сосредоточены. Когда мы смотрели друг на друга, наши взгляды говорили, что мы знаем то, чего не знает больше никто другой. Что мы – Футбольнейшие.

В первой атаке Алёна передала мяч Тони, тот начал вести его в сторону защитника Акции... но вдруг, вместо того, чтобы и дальше держать мяч, сделал пас мне!

Это была новость века: Тони передал мне мяч в атакую-

щей игре. Думаю, что за всю лигу со мной такого не случилось ни разу. Я взял мяч под контроль, нацелился на ворота противника, но прежде чем я успел опомниться, Колбасевич набросился на меня, сбил с ног и отобрал мяч.

– Фол! – закричал я что есть силы.

Но судья меня будто не услышал. Он сказал:

– Продолжаем игру.

И даже не удосужился свистнуть.

Алёна сказала:

– Давай, Пакет.

Тогда я встал и побежал.

Вместе с остальными.

На этот раз мы были похожи на настоящую команду.

Мы как бешеные реагировали на каждый удар, действовали слаженно, дрались за мяч...

Алисия подпрыгивала на скамейке и казалась очень счастливой.

Мэрилин всё время кричала:

– Скорей, скорей, скорей! Грустный, не промахнись! Давай, Томео, давай, чувак!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.